

Дональд Бартельм

И Г Р А

/перевод с англ. М.А.Хазина/

Шотвелл держит "камешки" и резиновый мячик у себя в чемоданчике и не дает мне играть с ними. Он играет один, часами сидит на полу около пульта, бросает мячик об пол и монотонно повторяет: "и-и раз... и-и два... и-и три... и-и четыре..." четким, хорошо поставленным голосом, не настолько громко, чтобы это раздражало, но и не так уж тихо, чтобы не обращать внимания. Я говорю Шотвеллу, что вдвое им играть гораздо веселее, но он молчит. Я несколько раз просил его дать мне поиграть самому, но он только мотает головой. "Почему?" — спрашиваю я. "Это мое", — отвечает он. И кончив играть, и наигравшись всласть, быстро прячет их в свой чемоданчик.

Это нечестно, но я ничего не могу сделать. Ужасно хочется заполучить их...

Мы с Шотвеллом следим за пультом. Мы с Шотвеллом живем под землей и следим за пультом. Если на пульте возникнет определенная ситуация, мы должны вставить в замки ключи и повернуть их. У Шотвелла есть ключ и у меня есть ключ. Если мы повернем ключи одновременно, то полетит ракета; сработают какие-то контакты и полетит ракета. Но ракета все не летит и не летит. За сто тридцать три дня ракета не летела ни разу. Все это время мы с Шотвеллом следим друг за другом. У каждого из нас есть по пистолету 45 калибра, и, если Шотвелл поведет себя подозрительно, мне поручено застрелить его. Если я поведу себя подозрительно, ему доручено застрелить меня. Мы следим за пультом, следим друг за другом и думаем о ракете. Поведение Шотвелла с "камешками" подозрительно. Подозрительно? Не знаю. Возможно, он просто законченный эгоист, возможно, у него испортился характер, возможно, у него было тяжелое детство. Не знаю.

У каждого из нас есть по пистолету 45 калибра, и

каждому из нас поручено застрелить другого, если тот поведет себя подозрительно. Как подозрительное становится подозрительным? Не знаю. Кроме этого пистолета у меня в чемоданчике спрятан другой - 38-го калибра, о котором Шотвелл ничего не знает, а у Шотвелла пристегнута ремнями к правой икре "Беретта" 25-го калибра, о которой я ничего не знаю. Иногда, вместо того, чтобы следить за пультом, я демонстративно слежу за 45 калибром Шотвелла, но это просто уловка, просто маневр; на самом деле я слежу за его рукой, когда она болтается вблизи его правой икры. Если он решит, что я веду себя подозрительно, то он будет стрелять в меня не из 45-го, а из "Беретты". Точно так же, Шотвелл делает вид, что следит за моим 45-ым, а на самом деле следит за моей рукой, лениво лежащей на крышке чемоданчика, за моей рукой, лениво лежащей на крышке чемоданчика, за моей рукой. За моей рукой, лениво лежащей на крышке чемоданчика.

Вначале я старался вести себя нормально. Точно также поступал Шотвелл. Наше поведение было невыносимо нормальным. Мы скрупулезно соблюдали дравида хорошего тона, были предупредительны к привычкам друг друга. Но потом стало очевидным, что произошла какая-то ошибка, что нас не собираются сменять. По недоразумению. По недоразумению, мы находимся здесь сто тридцать три дня. Когда стало ясно, что произошла какая-то ошибка, что нас не сменят, правила постепенно перестали соблюдаться. Положения о нормальном поведении были вновь разработаны нами в договоре от 1-го января, который мы назвали - Договор. Положения устава перестали соблюдаться, и время принятия пищи уже не соответствовало строгому расписанию. Мы ели, когда были голодны, и ложились спать, когда уставали. Должности и звания были временно отменены - красивый жест со стороны Шотвелла - он ведь капитан, а я всего лишь младший лейтенант. Все это время за пультом следит только один из нас, вместе того, чтобы следить за пультом вдвоем, за исключением того времени, когда мы оба не спим. Один из нас все время

следит за пультом и, если летит ракета, тогда он будит другого, и мы одновременно поворачиваем ключи в замках и летит ракета. В нашей системе возможна задержка около двенадцати секунд, но мне все равно, потому что мне нехорошо, и Шотвеллу все равно, потому что он не в себе. После того как был подписан договор, Шотвелл достал "камешки" и резиновый мячик из своего чемоданчика, а я начал описывать виды форм, встречающиеся в природе, как например, раковина, лист, камень, животное. На стенах.

Шотвелл играет, а я описываю на стенах виды естественных форм.

Шотвелл проходит курс при институте BBC, после которого университет штата Висконсин выдает диплом по административному управлению /хотя мы не в Висконсине; мы находимся в Юте, Монтане или Айдахо/. Когда мы спустились сюда это было ли то ли в Юте, либо в Монтане, либо в Айдахе. Не помню. Мы находимся здесь сто тридцать три дня по недоразумению. На бледно-зеленых железобетонных стенах выступают капли воды, кондиционер дикорадочно включается и выключается, Шотвелл читает "Введение в торговое дело" Ласситера и Мунка; делая пометки синей шариковой ручкой. Шотвелл не в себе, но я ничего не знаю об атом, он выглядит спокойно, читает "Введение в торговое дело" Ласситера и Мунка и делает пояснительные пометки синей шариковой ручкой, но все это время часть его внимания направлена на мой чемоданчик, где лежит пистолет. Мне нехорошо.

Мы находимся здесь сто тридцать три дня, по недоразумению. Хотя теперь нам не совсем понятно, что есть недоразумение, а что есть план. Возможно, по этому плану мы постоянно должны находиться здесь, иди если не постоянно, то по крайней мере год, триста шестьдесят пять дней. Или если не год, то какое-то количество дней известное им и неизвестное нам, например, двести дней. Или, возможно, они наблюдают за нашим поведением каким-то образом, с помощью каких-нибудь датчиков; возможно, наше поведение определяет количество дней. Может быть, они довольны нами, нашим поведением, не в деталях, а в целом. Возможно, все

это идет весьма успешно; возможно, все это эксперимент и эксперимент идет весьма успешно. Не знаю. Я думаю, что единственный способ, которым они могут убедить существо рожденное дод-солнцем забраться под землю в помещение с сырьми бледно-зелеными железобетонными стенами, это сказать, что система двенадцать часов работает и двенадцать часов не работает. А потом запереть нас внизу, на какое-то количество дней известное им и неизвестное нам. Мы питаемся неплохо, хотя замороженный рулет, оттаивая, становится мокрым, а пирог с мясом кислым и невкусным. Мы спим нервно и беспокойно. Я слышу, как Шотвелл кричит во сне, проптесстует, угрожает, иногда ругается, иногда плачет, во сне. Когда Шотвелл спит, я пытаюсь открыть замок его чемоданчика, чтобы достать игру. Де сих пор все безуспешно. Но и Шотвелл не преуспел, пытаясь открыть замки моего чемоданчика, чтобы добраться до пистолета. Я видел зарапину на блестящей поверхности. Я смеялся. В уборной. На бледно-серых стенах выступали капли воды, гудел кондиционер. В уборной.

Я пишу на стенах виды естественных форм. Я выцарапываю их бриллиантом на бетонной поверхности. Бриллиант в два с половиной карата был у меня в чемоданчике, когда мы спустились сюда. Я купил его для Люси. Южная стена около пульта уже исписана. Я описал раковину, лист, камень, животных и бейсбольную биту. Я знаю, что бейсбольная бита не является естественной формой, тем не менее я описал ее. "Бейсбольная бита, - написал я, - обычно делается из дерева. Обычно длиной метр или чуть больше, утолщенная с одного конца, сужается к другому для более удобного обхвата. У самого конца рукоятки обычно делается ободок или выступ, чтобы не скользила рука". Описание бейсбольной биты состояло из 4500 слов, и все они были нацарапаны бриллиантом на стенах. Читает ли Шотвелл то, что я написал? Не знаю. Я понимаю, что Шотвелл считает мое поведение с этой диссиденткой несколько подозрительным. Хотя оно не более додозрительно, чем его поведение с "камешками" или в тот день, когда он появился в черных плавках с "Береттой" пристегну-

той ремнем к правой икре, и, встав за пультом, расставил руки, пытаясь перекрыть расстояние между замками. Но он не смог дотянуться, я еще раньше пытался сделать это, стоя над пультом с расставленными руками — расстояние слишком большое. Я хотел было сказать ему об этом, но не сказал; мое высказывание могло бы повлечь за собой ответное высказывание, высказывание могло бы завести бог знает куда. Они-то со своим безграничным терпением, со своей безграничной предусмотрительностью, со своей бесконечной мудростью уже представляли себе стоящего над пультом с расставленными руками человека, пытающегося перекрыть расстояние между замками.

Штвэлл не в себе. Он пытается наладить отношения. Непонятно, что его тяготит. Что-то такое связанное с замками и ключами. Штвэлл подозрительный человек. Кажется, что наше положение волнует его меньше, чем меня. Он бесстрастно занимается своим делом: следит за пультом, изучает "Введение в торговое дело", серьезно и сосредоточенно бросает мячик об пол. Кажется, что наше положение волнует его меньше, чем меня. Он бесстрастен. Он молчит. Но он пытается наладить отношения, хотел как-то их наладить. Я не совсем понял, чего он хотел. Что-то такое связанное с ключами и замками. Штвэлл что-то задумал. Бесстрастно сдирает он блестящую фольгу с рулета, бесстрастно засовывает его в духовку. Но он что-то задумал. Тогда пусть будет услуга за услугу — кви про кво. Я настаиваю на этом. Я тоже кое-что задумал.

Мне нехорошо. Я не знаю нашей цели. Нам не сказали на какой город нацелена ракета. Не знаю. Это план. Это не входит в мои обязанности. В мои обязанности входит следить за пультом и, когда на пульте возникнет определенная ситуация, повернуть ключ в замке. Штвэлл бесстрастно и сосредоточенно бросает мячик об пол. Ужасно хочется дополнить мячик и "камешки". Мы находимся здесь сто тридцать три дня, по недоразумению. Я пишу на стенах. Штвэлл монотонно повторяет "и-и раз... и-и два... и-и три... и-и четыре..." четким хорошо поставленным голосом. Он склады-

вает ягодами и вызывающе трясет камешки и мячик. Я не знаю, на какой пород нацелена ракета. Шотвелл не в себе.

Иногда, я не могу заснуть. Иногда, Шотвелл не может заснуть. Иногда, когда Шотвелл качает и баюкает меня у себя на руках, напевая "Колыбельную" Брамса, или, когда я качаю и баюкаю Шотвелла, я понимаю, что он хочет от меня. В такие минуты мы очень близки. Но я сделаю это только если он даст мне поиграть. Это будет честно. Он хочет, чтобы я сделал что-то со своим ключом, а он будет делать то же самое со своим ключом. Но только если он даст мне поиграть в "камешки". Это будет честно. Мне нехорошо.

//////////